Репин, В. В. Бессарабская проблема в переписке полномочного представителя СССР в Великобритании Х. Г. Раковского и заместителя народного комиссара иностранных дел М. М. Литвинова (декабрь 1923 г. — февраль 1924 г.) / В. В. Репин // Российские и славянские исследования: науч. сб. Вып. 6 / редкол.: А. П. Сальков, О. А. Яновский (отв. редакторы) [и др.]. — Минск БГУ, 2011. — С. 151 – 174

БЕССАРАБСКАЯ ПРОБЛЕМА В ПЕРЕПИСКЕ ПОЛНОМОЧНОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЯ СССР В ВЕЛИКОБРИТАНИИ Х. Г. РАКОВСКОГО И ЗАМЕСТИТЕЛЯ НАРОДНОГО КОМИССАРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ М. М. ЛИТВИНОВА (декабрь 1923 г. — февраль 1924 г.)

Бессарабская проблема, возникшая в связи с оккупацией и присоединением бывшей Бессарабской губернии Российской империи Румынским королевством в 1918 г., стала самым длительным сюжетом советской внешней политики в межвоенный период. За время существования бессарабская проблема отразила весь сложный и противоречивый опыт советской дипломатии, эволюционировавшей от революционного интернационализма к прагматичной национально-имперской политике сталинского большевистского руководства.

Одной из наиболее значимых фигур, стоящих у истоков бессарабской проблемы, является Христиан Георгиевич Раковский, болгарин по происхождению, лидер румынской социалистической партии и одновременно видный деятель РСДРП(б), в начале 1918 г. он был привлечен по предложению наркома иностранных дел Л. Д. Троцкого к обсуждению советско-румынских конфликтов, возникающих в процессе политической борьбы между большевиками и иными политическими силами на Румынском фронте, Бессарабской губернии и Одессе [1]. Формирующееся советское внешнеполитическое ведомство приобрело в лице Раковского авторитетного эксперта, которому вскоре была поручена первая дипломатическая миссия: как глава «Верховной автономной коллегии по русско-румынским делам» и «комиссар организатор по русско-румынским делам в южной России», он в феврале 1918 г. был направлен в Одессу. Декларируемой целью его миссии было «погнать румынскую контрреволюцию» из Бессарабии и даже поднять революционное движение в обескровленном войной и начавшем переговоры о мире Румынском королевстве [2]. Однако реально слабый потенциал большевистской власти в Одессе, практически завершившаяся румынская оккупация Бессарабии, активное посредничество дипломатов стран Антанты в Яссах и Одессе и надвигающееся с севера немецкое наступление заставили изменить тактику: 5—9 марта Раковский и румынский премьер-министр А. Авереску подписали «Протокол о мирном урегулировании русско-румынского конфликта» и соглашение, обязывающее румын в двухмесячный срок эвакуировать Бессарабию [3].

Первый дипломатический опыт Раковского высоко оценил глава СНК РСФСР В. И. Ленин, с которым новоиспеченный дипломат еще не раз обсуждал бессарабскую проблематику [4]. Несмотря на отсутствие условий для реализации вышеназванного соглашения, Румыния пошла на него, зная, что Бессарабию ей готова передать Германия — советская дипломатия продемонстрировала свое умение вести цивилизованный дипломатический диалог. С этого времени у Раковского, ставшего в скором времени Председателем украинского СНК и наркомом иностранных дел УССР, начал концентрироваться архив всех документов и материалов, касающихся Бессарабии и отношений с румынами. В газете «Одесские новости», действовавшей в период оккупации города силами Антанты, публиковалась новость, что даже представитель одной из белогвардейских общественных групп, также выступающей против румынской оккупации Бессарабии, выезжал в 1919 г. в Киев к Раковскому с целью ознакомления с документами его архива [5].

На протяжении руководства правительством УССР (1919—1923 гг., с небольшими перерывами) Раковский транслировал в НКИД РСФСР всю релевантную информацию касательно отношений с Румынией. В условиях, когда вооруженный конфликт на Днестре в контексте советско-польской войны мог стать опасной для советского государства реальностью, Раковский участвовал в разработке программы участия советской делегации в прелиминарной советско-румынской конференции в Варшаве (22 сентября — 25 октября 1921 г.). Однако на самой конференции главой советской делегации Л. М. Караханом был представлен проект, идущий вразрез с пробессарабской позицией Раковского: румынам предлагалось установить дипломатические отношения, стабилизировать обстановку на границе, и главное, взаимопогасить советские претензии на Бессарабию и румынские претензии насчет исчезнувшего, а фактически конфискованного румынского золотого запаса и других ценностей Румынского королевства, вывезенных в 1917 г. в Москву после занятия Бухареста немецкими войсками [6]. Как позже писал Раковский, «от этой крупнейшей политической ошибки нас спасло глупое высокомерие Таке Ионеску», румынского министра иностранных дел, который боялся больше усиления большевистской агитации в Румынии, чем конфликта с ослабленной гражданской войной, международным изгоем Россией [7]. Решение о проекте взаипогашении претензий принималось с санкции Политбюро ЦК РКП(б) и вызвало негативную реакцию видных украинских партийных функционеров. Так, ответственный секретарь ЦК КПУ Ф. Я. Кон в письме Троцкому заявлял, что НКИД РСФСР должен хоть как-то координировать свои действия в вопросах, касающихся Украины, с руководством КПУ и обосновывал недопустимость уступок в бессарабском споре [8]. Очевидно, что письмо Кона отражает и позицию Раковского, по поручению Украинского Политбюро написавшего также докладную записку в Политбюро ЦК РКП, — в этот момент украинская советская дипломатия начала испытывать сильнейшее противодействие своей самостоятельности со стороны Москвы. Тем не менее он продолжал оставаться признанным экспертом в румынских делах — так, во время подготовки к Генуэзской конференции в январе 1922 г. «бессарабско-румынские вопросы взял на себя тов. Раковский» [9].

Внутрипартийная борьба начала 1920-х гг. отразилась и на политической карьере Раковского. Будучи сторонником Троцкого, а к тому же активным оппонентом Сталина в вопросе о централистской модели формирования союзного советского государства, Раковский в июле 1923 г. был смещен с должностей в правительстве УССР и откомандирован в Лондон в качестве полпреда и торгпреда СССР. Воспринимая это назначение как политическую ссылку, в 1923—1924 гг. Раковский поддерживал непрерывную связь с Москвой, докладывая обо всех переговорах и контактах по обширному кругу вопросов советско-английских и международных отношений, не забывая при этом и о бессарабской проблеме. Пытаясь согласовать сложную дипломатическую работу с противоречивыми инструкциями из Москвы, Раковский часто вступал в полемику с заместителем наркома иностранных дел М. М. Литвиновым, который отождествляется рядом исследователей с человеком Сталина в советской дипломатии. Особо острая дискуссия между Раковским и Литвиновым произошла в феврале — апреле 1924 г. во время переговоров с британским правительством о признании СССР и заключении торгового договора [10]. Не вдаваясь в детали, отметим лишь, что этой дискуссии предшествовала дискуссия двух дипломатов о предстоящей советско-румынской конференции в конце декабря — начале января 1924 г.

Неудавшееся советско-румынское соглашение в Варшаве в 1921 г. получило еще один шанс на реализацию осенью 1923 г., когда в контексте довольно успешных, но аполитичных двусторонних переговоров об установлении торговых отношений в Тирасполе, 18 октября на заседании Политбюро ЦК РКП(б) было поручено НКИДу начать зондировать позиции Румынии в отношении Бессарабии [11]. Румынское правительство национал-либеральной партии И. С. Братиану в лице министра иностранных дел И. Дукой делало встречные шаги, надеясь

с помощью переговоров уладить не только внешнеполитические проблемы, но и укрепить свое положение внутри страны. 5 декабря в Тирасполе румынам была озвучена Декларация правительства СССР о готовности «поставить на обсуждение во всей полноте вопрос об урегулировании отношений с Румынией» [12]. Вскоре было согласовано проведение конференции в Вене не ранее февраля 1924 г.

С этого момента в НКИДе начинается подготовка новой советской позиции в бессарабском споре. Полпред СССР в Чехословакии К. К. Юренев в ноябре — декабре подробно информировал Москву, что министр иностранных дел Э. Бенеш и его заместитель В. Гирса предлагают свое посредничество и надеются, что советско-румынский территориальный спор может быть ликвидирован в результате взаимопогашения претензий [13]. Глава НКИД СССР Г. В. Чичерин, понимая опасность и невыгодность такого варианта, который попросту дарит Бессарабию Румынии, пытался определить новую парадигму решения бессарабской проблемы. Находясь в перманентно конфликтных отношениях со своим заместителем Литвиновым, он пытается заручиться против его непредсказуемости поддержкой убежденного сторонника непризнания аннексии Бессарабии Раковского. В письме от 28 декабря 1923 г. подчеркивается крайняя озабоченность наркома по поводу перспектив уступки Бессарабии — видимо, такой вариант на заседании Политбюро рассматривали как вполне реализуемый — Чичерин риторично упрекает Раковского, что тот «перестал этим интересоваться» [имеется в виду бессарабский вопрос. — *В. Р.*] [14].

Публикуемые документы являются ответом Раковского на письмо Чичерина. Адресованные Литвинову, Чичерину и всему Политбюро, от 29 декабря, 5 января и 11 февраля 1924 г. документы 1, 2, 5. За это время Раковский отправил в Москву 4 депеши, непосредственно посвященные бессарабской тематике. Параллельно со второй запиской о Бессарабии от 5 января Раковский отправил письмо напрямую в Политбюро насчет задержки ответа на его первую записку и с призывом тщательней ознакомиться с историей советско-румынского спора (документ 3) [15]. 7 января Раковский получил ответное письмо Литвинова, в котором, несмотря на контраргументы тезисам Раковского, все же просвечивается основанная на консенсусе позиция (документ 4). Будучи ведущим специалистом в бессарабской проблеме, среди советских дипломатов Раковский вложил в эти письма весь свой 6-летний опыт дипломатической деятельности, политическую прозорливость и системное владение международной обстановкой, что позволило советской делегации на конференции в Вене (27 марта — 2 апреля 1924 г.) занять твердую и бескомпромиссную позицию непризнания суверенитета Румынии над Бессарабией [16]. Это стало своеобразным Рубиконом, после которого бессарабская проблема была окончательно верифицирована как нерешенный международный вопрос в советской дипломатии и начался систематический выпуск научных и публицистических работ по бессарабской проблематике в советской историографии.

Документы публикуются в соответствии с копиями, хранящимися в Российском Государственном Архиве социально-политической истории (РГАСПИ) в Москве. Оригиналы документов находятся в деле № 8 «Материалы о государственной деятельности Литвинова (1920—1942 гг.). Взаимоотношения РСФСР — СССР с зарубежными странами Р — Ю. Записки М. М. Литвинова в Политбюро, И. В. Сталину, Х. Г. Раковскому и др., письма Александровского, Мостовского, К. К. Юренева и др. на имя М. М. Литвинова о внутриполитическом положении и внешней политике Румынии, США, Финляндии, Франции, Чехословакии, Швейцарии, Швеции, Югославии», включенные в 1 опись 359-го именного фонда, фонд М. М. Литвинова. Публикуемые документы расположены в хронологическом порядке, тексты документов публикуются по орфографии оригинала. Заголовки к документам составлены автором публикации.

В. В. Репин

№ 1
ПИСЬМО Х. Г. РАКОВСКОГО М. М. ЛИТВИНОВУ «К ВОПРОСУ О БЕССАРАБИИ И БУКОВИНЕ»

г. Лондон *29 декабря 1923 года*

СЕКРЕТНО. № 48

Копии т. Чичерину, членам Политбюро и т. Квирингу, Секретарю Политбюро ЦК КП/б/У

Уважаемый Максим Максимович,

Я возвращаюсь к вопросу о Бессарабии и Буковине и о наших отношениях с Румынией, считая, что это один из тех вопросов, в которых можно легко сделать ошибки, если не учесть всю его сложность. Его значение громадное, прежде всего, как вопроса внутрисоюзного. Он будет служить пробным камнем нашей политики по отношении к тем национальным элементам, которые были аннексированы нашими буржуазными соседями (половина населения Бессарабии — украинцы, русские, болгары и немцы).

Во-вторых, то или иное отношение к этому вопросу отразится на нашем авторитете среди угнетенных национальностей и национальных меньшинств, находящихся под властью наших соседей. Третье — в Румынии находится узел наших отношений к Болгарии и Венгрии. Четвертое — этот вопрос имеет значение для наших отношений к Малой Антанте, Чехо-Словакии, Сербии. Пятое — этот вопрос имеет значение для наших отношений к Польше. Шестое — он имеет меньшее, но все-таки известное значение и для наших отношений к Большой Антанте.

Что усугубляет принимаемую нами перед всей страной ответственность, это то, что предстоящие переговоры являются первым случаем, когда мы разговариваем о территориальных вопросах, не испытывая на себе давление победоносной неприятельской армии, и если нами этот вопрос будет решен неправильно, мы не можем в свое оправдание сказать, что нас заставили силой, что наша воля не была свободна. Есть еще одно соображение, с которым мы должны считаться, и я его буду называть седьмым, — это внутреннее положение самой Румынии, которое тоже, конечно, нужно иметь в виду при решении данного вопроса.

Я буду по очереди рассматривать все перечисленные мною моменты наших отношений к Бессарабскому вопросу.

По первому пункту я имею заметить следующее. В нашей внешней политике мы недостаточно учитываем значение национального момента, т. е. недостаточно учитываем, что мы являемся государством многонациональным. Характерно, что Вы до сих пор, говоря об отношениях к Румынии, ничего не упоминаете о Буковине. Для России, собственно говоря, этот вопрос не существует или же существует так, как существует вопрос о Македонии, о Кроатии, о Курдистане, а между тем для Украины это есть вопрос живой, вопрос национальный, и для Союза, который перенял на себя, так сказать, весь политический актив Украины, этот вопрос является тоже вопросом национальным.

Вы сами мне писали в Харьков, после того, как я Вам послал наш проект протеста по поводу присоединения Восточной Галиции, что, если бы мы своевременно взялись за это дело, может быть удалось бы нам помешать формальному признанию этой аннексии со стороны Англии, Франции и Италии. Я думаю, что это была не первая наша ошибка в галицийском вопросе, что мы еще в Генуе могли бы, ничуть не рискуя, проявить наше сочувственное отношение к Восточной Галиции в тот момент, когда вопрос был поставлен Ллойд-Джорджем, а потом, неизвестно почему, был снят. Наша делегация тогда нашла неблагоразумным даже просто запросить, почему этот пункт снят в программе. Для меня упущения, сделанные нами и в этом году и в прошлом по Восточно-Галицийскому вопросу, объясняются именно тем, что

наш Наркоминдел не достаточно учитывал национальный момент. Может быть, то обстоятельство, что во всех договорах, которые касались окраин — от Кавказских гор до Балтийского моря приходилось жертвовать армянами, украинцами, белоруссами и проч., способствовало еще больше пассивному до известной степени отношению Наркоминдела к национальному моменту.

Правда, до известной степени эта пассивность объясняется и общим отношением нашим к национальному вопросу, т. к. мы считаем, что момент его решения нами не упущен, а только отодвинут к социальной революции, которая освободит одновременно и угнетенные классы и угнетенные народы. В эпохе революционного подъема сами трудящиеся массы, оторванные силой от своих советских метрополий, относятся также до известной степени пассивно к национальному моменту, но в периоды реакций, застоя, в периоды, когда начинается длительная осадная борьба классов, национальный момент опять всплывает. Такой период мы переживаем теперь. Одно — если бы мы отказывались от Буковины и Бессарабии в Брест-Литовске и Риге, когда мы жертвовали частью, чтобы спасти целое, другое дело — когда такой отказ происходит в данный момент, когда наше государство укрепилось внутренне и внешне.

Второе — понятно, что отказ от наших прав теперешней обстановки уронит наш авторитет. Мы — государство, которое ставит в своей международной политике задачу отстаивать интересы угнетенных классов и угнетенных национальностей. Но как же на нас можно положиться, если мы не в состоянии отстоять интересы наших собственных национальностей, попавших под чужое иго. Когда мы теперь будем разговаривать с Румынией, в наши слова будут вслушиваться не только украинцы в Восточной Галиции, Волыни, Прикарпатской Руси, но и венгерцы и болгары, находящиеся под игом Румынии, а также и все те национальные меньшинства, которых так щедро в Версале, Нейли, Трианоне империалистические государства отдавали на съедение своим союзникам. Этим я кончаю второй пункт.

Третье — Вам должен быть известен национальный состав Румынского королевства. Примерно одна треть населения, — не говоря уже о бессарабских крестьянах-румынах, включаемых в категорию румынского населения, хотя и их симпатии скорее на стороне России, — состоит из венгерцев, украинцев, болгар, — я беру здесь самые крупные национальные меньшинства. Венгры находятся в Трансильвании, украинцы в Буковине, где они составляют большую половину населения и в Бессарабии, болгары в старой и новой Добрудже и в Бессарабии. Конечно, ни венгры, ни болгары не забывают оторванных от них и присоединенных к Румынии провинций. Трансильванский и Добруджанский вопросы, несомненно, когда-нибудь всплывут опять в отношениях между Румынией и ее соседями. Это — два копья в оба бока Румынии, не говоря уже о трениях, которые существуют между Румынией и Сербией по поводу Баната. Из государств, окружающих Румынию, одна только Польша не может иметь никаких территориальных претензий, т. к. она вместе с Румынией грабила других. Но больше всего приходится, конечно, бояться Румынии со стороны Советского Союза. Наш интерес — поддержать национальные претензии и Венгрии и Болгарии, и Бессарабский вопрос может служить тем рычагом, нажимая которым на Румынию, мы могли бы привлечь на свою сторону симпатии и Венгрии и Болгарии. Я знаю, что в данный момент в обоих этих государствах правительства нам не сочувствующие, но это, конечно, только временно. Внешняя политика и одного и другого из этих государств будет их толкать к тому, чтобы они искали опору у нас, а это важно для всей нашей политики. Мы не знаем, как сложатся обстоятельства в будущем, и не будет ли использована националистическая Турция для какой-нибудь авантюры против нас. В таком случае такие государства, как Болгария и Греция, могут быть для нас полезны.

Перехожу теперь к Чехо-Словакии и к Юго-Славии. И одна и другая неоднократно нам заявляли, что в вопросе о Бессарабии они не могут поддержать Румынию. Это мне говорил

Гирса, когда я был в Праге. Это говорил мне и Нинчич в прошлом году в Лозанне. Это же они говорили и тов. Чичерину и повторят это и теперь. Я считаю чрезвычайно важным то обстоятельство, что имеется хотя бы один вопрос по отношению к нам, который в Малую Антанту вносит определенный раскол. Я обращаю внимание на антагонизм между Румынией и Юго-Славией, как на вещь чрезвычайно реальную, с чем мы должны считаться. Если между нами есть общность интересов по отношению к Венгрии, то у них антагонизм по отношению к России и иногда даже антагонизм по отношению к Болгарии. Тогда как Сербия лишь после долгих колебаний, только под влиянием Англии и Франции, признала новое Болгарское Правительство Цанкова и всячески старалась оказывать содействие аграрному правительству, Румыния, наоборот, первая, наряду с Италией, приветствовала низвержение Стамбулийского. И это, конечно, объясняется не только соображениями внутрипартийного характера (в Румынии крестьянское движение тоже очень сильно, и крестьянская партия является главным врагом господствующей теперь либеральной партии), но еще больше соображениями внешнего порядка. Стамбулийский вел политику сближения с Юго-Славией, вплоть до включения Болгарии в Юго-Славскую федерацию, с расчетом, что Юго-Славия из Централисского государства превратится в государство федеративное. Уже на Лозаннской конференции Юго-Славско-Болгарская солидарность выразилась в том факте, что Юго-Славия поддержала болгарское требование о выходе на Эгейское море. Сербско-Болгарское сближение было чрезвычайно невыгодным для Румынии, так как она очутилась бы между сильной Юго-Славской Федерацией и Советской Федерацией. Румыния поэтому не только приветствовала падение Стамбулийского, но, по всей вероятности, участвовала в заговоре с Италией вместе против земледельческого правительства.

Бессарабия в наших руках, таким образом, является средством для раскола Малой Антанты.

Что касается Чехо-Словакии, то заявление, сделанное Гирсой тов. Юреневу, только подтверждает то, что он и раньше сообщал. Если Чехо-Словакия готова поддержать нас в этом вопросе, в вопросе о Бессарабии, по-моему, не мешало бы найти такую форму, которая ее ангажировала бы. Возможно, что само Правительство Чехо-Словакии в этом вопросе на 9/10 поддержит Румынию, а только на 1/10 нас, и возможно, что это предложение исходит только исключительно из желания помочь не нам, а румынам, но априори нельзя выходить из этого предположения; его следует проверить и выяснить.

Относительно Польши дело, конечно, обстоит немного иначе. Единственное, что говорило бы в пользу Вашего тезиса — стремление изолировать Польшу. Однако не нужно преувеличивать значение соглашения с Румынией для этого. Вряд ли Вы можете себе ставить утопическую задачу отколоть Румынию от Польши, т. е. разорвать Румыно-Польский военный союз. Румыния получит нашу подпись под Бессарабской и Буковинской аннексией и все-таки останется союзницей Польши. С Бессарабией или без Бессарабии Румыния и Польша связаны одним интересом — быть барьером против нас. Также утопично было бы думать, что можно было бы получить от Румынии, взамен Бессарабии и Буковины, обязательство сохранить нейтралитет, в случае каких-нибудь военных действий между нами и другим государством. Это означало бы фактический разрыв с Польшей. Как будто Вы сами не думаете о такой возможности и считаете себя удовлетворенными, если Румыния сохранит нейтралитет, по крайней мере, в случае нападения со стороны Польши на нас. Однако все прецеденты говорят о том, что все эти деления на наступательные и оборонительные войны не имеют никакого значения, и, во всяком случае, возможность такого нападения при теперешнем внутреннем состоянии Польши нужно считать в ближайшее время исключенной. Но представьте себе, что действительно Польша на нас нападает. Думаете ли Вы, что Румыния, если ее участие в войне может обеспечить победу со стороны Польши, остановится перед тем обстоятельством, что у нее договор с Польшей только оборонительный. Конечно, нет. Она

означает, что если Польша будет побеждена, то автоматически встанут все национальные вопросы — и Бессарабский, и Буковинский, и Добруджанский, и Трансильванский. Наша подпись под аннексией Бессарабии не может связать волю будущих поколений Советского Союза, да и не связывает нашу собственную волю, и это румыны великолепно понимают. Поэтому я считаю, что из-за очень иллюзорных приобретений мы можем выпустить из наших рук чрезвычайно выигрышный политический козырь. Я склонен верить, однако, что Польша со своей стороны не связалась обязательством воевать за Бессарабию. Об этом, насколько мне помнится, говорилось в сообщениях из Варшавы.

Перехожу к Большой Антанте (помета от руки. — *В. Р.*).

Что касается Соединенных Штатов, то Вам известно, что они даже протестовали против румынских претензий на Бессарабию еще во время Вильсона.

Большая Антанта совершила в этом вопросе не только политическое преступление, но и политическую ошибку. Первые это должны почувствовать французы, и незачем нам облегчать положение Большой Антанты, снимая из списка наших претензий Бессарабию.

Но бессарабский вопрос имеет отношение и к внутреннему политическому положению самой Румынии. Незачем нам укреплять либеральное правительство, которое, по своему социальному составу, является для нас самым враждебным. С другой стороны, наша позиция в Бессарабском и Буковинском вопросах такова, что она никоим образом не может восстанавливать против нас румынские массы. Я считаю себя и румынским коммунистом и открыто брал и беру ответственность за проводившуюся нами до сих пор политику. Не так давно в Лозанне я давал интервью, которое было напечатано в румынской газете «Адеveруль», и где по существу я сказал следующее: «Из того факта, что Бессарабия принадлежала России, для России не вытекает никаких прав над жителями Бессарабии; но никакие права не вытекают и для Румынии из того, что она очутилась, во время немецкого нашествия против нас, в Бессарабии; судьба Бессарабии должна решаться Бессарабским народом».

Я не знаю, почему можно было признавать референдум для Верхней Силезии, а отвергать его для Бессарабии. Почему Верхнюю Силезию можно было делить по частям, а Бессарабия, в случае если часть населения выскажется за присоединение к России или за самостоятельность, вся должна быть отдана Румынии. К этому вопросу нужно отнестись чрезвычайно серьезно. Нам нечего торопиться вынимать из румынской ноги бессарабскую занозу. С каждым днем этот вопрос становится для нас все более и более выигрышным и, наоборот, для Румынии невыгодным. Лучшим доказательством является то, что необдуманное предложение, которое было сделано кем-то в Варшаве и отвергнуто румынами, потом оказалось для румын очень приемлемым, но мы поняли, что так нельзя. Теперь румыны пошли еще дальше. Они согласились уже решать вопрос о Бессарабии не до конференции, а на самой Конференции, рассчитывая, что мы, так сказать, хотим соблюсти некоторый революционный церемониал, но что по существу мы воспринимаем их точку зрения. Теперь от нас зависит им показать, что мы относимся к этому вопросу по существу серьезно.

Я в своем настоящем письме совершенно не затрагивал вопрос о румынском имуществе, потому что эти две вещи абсолютно несоизмеримы, и я не думаю, чтобы кто-нибудь среди нас стал бы обменивать на деньги интересы двух или трех миллионов крестьян и рабочих.

С коммунистическим приветом Х. РАКОВСКИЙ

РГАСПИ Ф. 359. Оп. 1. Д. 8. С. 9—16. Подлинник.

№ 2
ПИСЬМО Х. Г. РАКОВСКОГО М. М. ЛИТВИНОВУ «ОПЯТЬ О БЕССАРАБИИ И БУКОВИНЕ»

г. Лондон *5 января 1924 года*

СЕКРЕТНО. № 51

Копии т. Чичерину, членам Политбюро и т. Квирингу, Секретарю Политбюро ЦК КП/б/У (помета «Троцкому»)

Уважаемый Максим Максимович,

Некоторые новые факты заставляют меня вернуться опять к Бессарабскому и Буковинскому вопросу, тем более, что в моей записке я упустил еще некоторые важные моменты.

Новые факты, о которых идет речь, следующие: 1. Новое подтверждение союзниками, что они сами считают, что в Бессарабском вопросе правда не на стороне Румынии. 2. Сведения, полученные мною непосредственно из Бессарабии и Буковины 3-го дня. 3. Большая статья о положении украинцев в Румынии, напечатанная в стоящем близко к нам журнале «Новая Громада» (третья-четвертая книга); статья озаглавлена — «Украинцы в «Великой Румынии».

Лицо, которое чрезвычайно хорошо осведомлено обо всем, что говорится в Кэ Д'Орсе, заявило мне на днях, когда зашла речь о русско-французских отношениях, что есть один вопрос, который французов беспокоит — бессарабский вопроса: «С одной стороны, мы желаем оказать помощь Румынии, а с другой стороны, мы находим, что она преувеличивает, считая Бессарабию Румынской землей». Это говорит, что не только в канцеляриях Белграда и Праги считают Бессарабию не румынской, но и в Париже. О Лондоне я и не говорю, так отношение Англии к Румынии враждебно-отрицательное. Румыния — одна из тех стран, к которым постановлением правительства не применяется Трэд Фасилитис Акт, потому что Румыния объявила односторонний мороториум для своих купцов, купивших в Англии товары после войны, при чем Румынское Правительство рассрочило этот мороториум на 15 лет. Я не сомневаюсь в том, что здесь, когда мы будем признаны, мы сможем раздуть бессарабский вопрос чисто дипломатическими агитационными средствами в вопрос всейевропейский, где выгодная роль будет на нашей стороне. Румыния это, конечно, великолепно понимает и поэтому отказалась от своей первоначальной надменности и идет теперь на попятную.

Второй факт — приезд в Лондон 3-го дня одного из лидеров Буковинско-Бессарабского Бунда, с которым я был одновременно арестован во время войны в Румынии. Он принадлежит к левым бундовцам. Я расспрашивал его очень долго о положении в Бессарабии и Буковине. Факты, которые он сообщил мне о Бессарабии, только подтвердили то, что я знал, а именно, органическую ненависть крестьян-молдаван (т. е. румынского происхождения), не говоря уже о русских, украинцах, болгарах и проч., против румынского режима. Он мне говорил, что известный румынский писатель Михаил Садоваяну, возвратившись из своей поездки в Бессарабию, напечатал в бухарестской газете «Адеveруль» ряд статей о настроениях румынских крестьян в Бессарабии, в которых он указывал, что они предпочитают даже старый царский режим по сравнению с теперешним румынским режимом.

У меня, впрочем, на этот счет имеется колоссальный материал, и я не говорил бы об этом, если бы это не были свежие впечатления приезжавшего и возвращающегося туда человека, он указал, между прочим, что в Бессарабии среди местной интеллигенции имеется большая тяга к возвращению в Россию. Он встретился лично в Берлине со многими лицами (*из Бессарабии*), которые добиваются у нашего посольства паспортов для проезда в Россию.

Сведения об общем политическом положении Румынии говорят, что там теперь господствует самый дикий антисемитизм и что правительственный орган «Вииторуль» /«Будущее»/,

вызванный некоторыми демократическими газетами, ответил статьей с характерным заголовком: «Да, мы — антисемиты».

Наконец, третий факт — статья из «Новой Громады» в 30 страниц, являющаяся обвинительным актом против политики румынского правительства по отношению к националистам, и в частности по отношению к украинцам. Эту статью я Вам посылаю, и прошу принять меры, чтобы она была переведена для того, чтобы с ней могли ознакомиться и члены Политбюро. Перевод Вам сделают в Украинском представительстве.

Возвращаясь к первой своей записке, я должен здесь, для лучшего освещения вопроса, дать Вам некоторые исторические справки.

Исторически Бессарабия не была румынской. В 1812 г., когда она была захвачена русским царизмом, она являлась *пустынной* (от руки. — *В. Р.*) турецкой провинцией. После захвата русскими туда стали стекаться как бежавшие от своих помещиков румынские крестьяне. Таким образом, часть румын-крестьян перешла Дунай и поселилась также в северной части Болгарии. Кроме того, туда стали переселяться, вызванные различными обещаниями, переселенцы из Болгарии. Было массовое переселение после 1828 г., когда свыше миллиона болгар потянулось в Бессарабию и в Южную Россию, в Херсонскую и Таврическую губ. В Бессарабии также поселилось много украинского крестьянства из Галиции и Украины, а также и русского. В 1854 г., после крымской кампании, три бессарабских уезда были присоединены к Румынии на основании парижского договора. В 1878 г. после русско-турецкой войны Россия взяла обратно 3 бессарабских уезда, а взамен этого дала Румынии Северную Часть Добруджы — 15 000 кв. верст в устьях Дуная с порта и на Черном море, которые и географически и этнографически принадлежали Болгарии. Таким образом, Румыния уже получила «цену» за три бессарабских уезда (в 1913 г. румыны захватили еще новую часть Добруджы).

5 мара 1918 г. Авереску, в качестве румынского премьера и министра иностранных дел, и я, в качестве уполномоченного Совета Народных Комиссаров России, подписали соглашение, в силу которого румынские войска должны были очистить Бессарабию в течение двух месяцев. Следует добавить, что в секретных архивах румынского правительства имеются данные, что в начале войны румыны, как цену за свое участие в войне наряду со многими другими требованиями, пытались заикнуться через Итальянское правительство о возвращении им трех бессарабских уездов, возвращенных России после русско-турецкой войны. Чтобы была более полная картина всех купль и продаж Румынии, нужно еще напомнить, что она, после Бухарестского договора с немцами и болгарами, согласилась отдать обратно все Добруджу болгарам, тогда как немцы обязались укрепить ее власть в Бессарабии. Но после разгрома центральных держав она и удержала Бессарабию и возвратила себе обратно Добруджу.

Будучи до сих пор достаточно облагоприятствованной обстоятельствами, чтобы безнаказанно надувать всех, Румыния может быть будет счастлива надуть и нашу дипломатию.

Я глубоко убежден, что такой шаг нас политически скомпрометирует. Вы сами понимаете, что такой договор с Румынией, суть которого будет заключаться в том, что, взамен ее уже несуществующего запаса, она получит Бессарабию, нас политически скомпрометирует и *потому Вы* (от руки. — *В. Р.*) думали, что можно будет найти прикрытие в устройстве плебисцита, но при присутствии румынской администрации и румынских войск в Бессарабии. Я думаю, что *такое решение* (от руки. — *В. Р.*), вместо того чтобы исправить наше положение, только может ухудшить его: на такой плебисцит не шла даже побежденная Германия. Вот почему я считаю, что принятие румынского предложения о политических переговорах в данной обстановке является большой ошибкой. От Румынии мы абсолютно ничего не можем получить, кроме отказа от того, чего нет, *а мы можем много потерять от нашего влияния* (от руки. — *В. Р.*).

Если бы Наркоминдел не относился к этому вопросу равнодушно, если бы он использовал тот громадный материал, который имеется у нас, мы могли бы и среди всех национальных меньшинств, и среди самих румынских крестьян и рабочих поднять наш полити-

ческий престиж. Если опубликовать интриги Румынии, которые она делала во время войны, первые шаги против союзников, когда они считали, что победят немцы и австрийцы, дальнейшие интриги румынского правительства во Франции против России, действия румынского правительства в Бессарабии после революции, если напечатать целый ряд других документов из тайных румынских архивов, мы могли бы *еще больше* (зачеркнуто. — *В. Р.*) расшатать *также и* (от руки. — *В. Р.*) ее международный авторитет. Я считаю, что один из больших недостатков нашей иностранной политики, что мы недостаточно заглядываем вперед *или же смотрим слишком вдаль* (от руки. — *В. Р.*). Поэтому такой большой политический козырь для нас, каким является Бессарабия, захваченная без всяких прав и без войны, просто, как оставленный на скамейке чемодан уносится вором, мы выбрасываем зря. Я боюсь, что вы смотрите на Бессарабию не через призму новых отношений, которые создаются у нас внутри в нашем союзе и которые создаются за границей.

Так как, будучи задержан английскими событиями, я не имею возможности приехать в Москву, приходится мне обо всем этом писать.

С коммунистическим приветом Х. РАКОВСКИЙ

Н. З. Советую вам ознакомиться с одной из украинских красных книг: «Советская Украина и Румыния». Там собраны все материалы, касающиеся наших переговоров с Румынией, начиная с постановления Совета Народных Комиссаров о конфискации румынского золотого запаса в декабре 1917 г. Там имеются также и все документы, касающиеся моих переговоров в Одессе и, между прочим, фотографический снимок с обязательства, подписанного всеми союзными послами в Яссах, что занятие Румынией Бессарабии является чисто временным.

РГАСПИ Ф. 359. Оп. 1. Д. 8. С. 17—21. Подлинник.

№ 3
ИЗ ПИСЬМА Х. Г. РАКОВСКОГО В ПОЛИТБЮРО ЦК РКП(б)

г. Лондон *5 января 1924 года*

СЕКРЕТНО

Тов. тов. Сталину, Троцкому, Зиновьеву, Каменеву и в Политбюро

Уважаемый товарищ,

Не получая протоколов Политбюро, я не знаю, каковы постановления относительно переговоров с Румынией и вопроса о Бессарабии и Буковине. О последней, вообще, никогда у нас не говорится, хотя она занята Румынией, имеет больше половины украинского населения. Только из письма тов. Литвинова я заключаю, что в Наркоминделе берет верх линия отдачи Бессарабии Румынии. По этому поводу я послал в прошлый раз одну записку и посылаю теперь вторую, ввиду того, что за это время я узнал некоторые новые факты, заслуживающие внимания. Просил бы Вас ознакомиться с этими записками, т. к. боюсь, что мы в этом вопросе совершаем большую ошибку и сами спасаем Румынию от этой мины, которую она заложила под свой государственный фундамент. Мы переживали времена гораздо более тяжелые и могли сохранять по отношении к Румынии полностью революционное лицо. Я думаю, что нет достаточно веских аргументов, которые должны были заставить нас изменить эту политику.

С коммунистическим приветом Х. РАКОВСКИЙ

РГАСПИ Ф. 325. Оп. 2. Д. 53. С. 9—10. Подлинник.

№ 4
ПИСЬМО М. М. ЛИТВИНОВА Х. Г. РАКОВСКОМУ «К ПРЕДСТОЯЩИМ ПЕРЕГОВОРАМ С РУМЫНИЕЙ»

г. Москва *7 января 1924 года*

ВЕСЬМА СЕКРЕТНО. № 015

Копии: Членам Коллегии, Политбюро.

Уважаемый Христиан Георгиевич,

Начну с того, что я полностью согласен с Вашими положениями от 1-го до 7-го включительно. Не согласен я, однако, с выводами, которые Вы из них делаете, ибо те же положения допускают и совершенно противоположные и, по-моему, более правильные выводы.

Я должен раньше всего исключить из предмета обсуждения выдвинутый Вами национальный момент, который, по-моему, ни в коем случае не может иметь решающего значения. Я должен, конечно, решительно отвергнуть предположение об игнорировании НКИД при обсуждении международных вопросов национального момента, еще более категорически я должен отвергнуть предположение о том, что в Брест-Литовске и Риге объем наших уступок зависел хотя бы в малейшей мере от того обстоятельства, что уступленные территории населены не великороссами, а другими национальностями. Я не думаю, чтобы Вы действительно могли высказывать такое предположение, но некоторые места в Вашем письме могут давать повод к таковому предположению. Повторяю, сентиментально-национальный момент не может не приниматься в соображение, но не является и не может являться решающим при разрешении международных вопросов. В частности, если исключить сентиментальную сторону дела, бессарабский вопрос интересует весь Союз не в меньшей мере, чем Украину.

Вы вполне точно и исчерпывающе перечислили все неудобства, вытекающие для Румынии из факта неразрешения бессарабского спора с нами. Никто не станет отрицать, что неопределенность ее восточной границы является ее чувствительной Ахиллесовой пятой и чрезвычайно ослабляет ее международное положение.

Вы проглядели, однако, другую сторону медали и не останавливаетесь на вопросе, в какой мере эта же неразрешенность бессарабского вопроса и неопределенность наших отношений с Румынией ослабляет международное положение Советского Союза. Вряд-ли Вы станете отрицать, что мы с гораздо большим авторитетом, с большим сознанием своей силы могли бы выступать перед озорничающей Финляндией, Прибалтикой, Польшей и другими нашими соседями, если бы у нас у самих не было некоторой ранки, называемой Вами бессарабским вопросом. Вы сами упоминаете о возможности турецких авантюр. Считаете-ли Вы, что Турция, пускаясь на авантюры, не примет во внимание наших отношений с Румынией? А великие державы? Разве Керзон, посылая нам майский ультиматум или затевая авантюру в Афганистане, упускает из внимания возможность использования против нас Румынии? Нужно-ли доказывать Вам, что неопределенность части границы, неурегулированность отношений с ближайшими соседями, отсутствие мирного договора ослабляет любую страну, находящуюся в подобном положении? Всего два месяца тому назад руководящие организации считались с возможностью и неизбежностью в ближайшее же время военного столкновения с Польшей в связи с германскими событиями. Многие думают у нас, что эта возможность не исключена еще и сейчас. Как Вы думаете, усиливается или уменьшается наша мощь от того обстоятельства, что при любом нашем столкновении с кем-либо из соседей мы должны считать Румынию его неизбежной союзницей?

Вы скажете и даже сказали, что подписание договора с Румынией не изменяет наших отношений и что Румыния со своей подписью не будет считаться, и когда ей это будет выгод-

но, нападет на нас. Теория «клочка бумаги» нам известна и вполне понятна. Никто из нас не придает абсолютного значения договорам и не считает их талисманами, но Вы первый врядли будете отрицать относительное значение договоров и соглашений.

Вожделения Румынии и отношения Бессарабии возникли не во время империалистической войны; они существовали и раньше и составляли часть общих национальных аспираций Румынии. При присоединении Бессарабии аспирации Румынии в восточном направлении удовлетворены полностью, если не считать империалистических бредней в отношении Одессы, каких-нибудь завзятых шовинистов. Пока мы Бессарабию оспариваем, Румыния должна считать свои национальные стремления незавершенными, она, так или иначе, должна добиваться нашего признания аннексии; если ей не удастся это мирным путем, то рано или поздно она прибегнет к оружию. Я сомневаюсь, чтобы без существования бессарабского вопроса Румыния вступила в союз с Польшей, который должен защищать ее исключительно против нас, а не против других ее потенциальных врагов — Венгрии, Юго-Славии и Болгарии. В случае нашего столкновения с Польшей, она будет воевать на стороне последней, отнюдь не из общих рассуждений о необходимости ослабления соседа, и даже не потому, что она дала свою подпись под польско-румынским договором, а в первую очередь и главным образом для того, чтобы добиться от нас урегулирования отношений. Конечно, и по урегулировании этих отношений милитаристические круги и всяческие шовинисты будут придумывать тысячи поводов для выступления на стороне нашего неприятеля, но вопрос в том, какой отклик они найдут в стране и смогут-ли они убедить румынские массы в необходимости ввязываться в авантюры. Мы с Румынией находимся ныне формально в состоянии войны. Мы считаем, что румынские войска оккупируют нашу территорию, и формально мы можем без объявления войны в любой момент перейти Днестр. С этой опасностью реально считается не только и даже не столько румынское правительство, сколько само население. У нас имеется информация о многочисленных случаях паники, вызывающейся слухами о наступлении Красной Армии. Так вот, одно дело — присоединиться к воюющей против нас Польше во имя устранения существующей реально опасности, другое дело — когда наши отношения с Румынией полностью урегулированы, и румынское крестьянство призывается к оружию во имя непонятного ему лозунга превентивной войны или т. п. абстрактных шовинистических побуждений.

С другой стороны, Вы пишете, что урегулированием отношений мы лишимся потенциальных союзников в лице Венгрии, Юго-Славии и Болгарии. Это верно лишь отчасти, ибо эти государства тоже не верят в абсолютное значение договоров и отлично понимают, что подписанием формального договора бессарабский вопрос далеко еще не разрешен. Продолжает же тяготеть к нам Литва, несмотря на подписание Рижского договора. То же относится и к Германии, которая общность политических интересов строит не на нашей розни с Францией, а именно с Польшей, опять-таки невзирая на формальное урегулирование отношений с последней. В меньшей мере это применимо также и к Чехо-Словакии. Нет поэтому оснований полагать, что с подписанием договора нынешние соседи Румынии исключаются из списка наших союзников. Я думаю, что они по-прежнему будут тяготеть к нам. Я тут имею в виду широкие исторические перспективы, ибо в настоящее время даже при полу-военном состоянии с Румынией эти страны пока еще никакого тяготения на деле не обнаруживали и больше поддерживали наших врагов, чем врагов Румынии.

Итак, если разрешение советско-румынских споров выгодно Румынии, то оно выгодно также и нам. Оно нас укрепляет, оно нам дает возможность более активной политики в других направлениях, с точки зрения экономического укрепления Союза более существенных. Остается решить вопрос, какой ценой мы должны купить означенное благополучие.

Тут спорить с Вами пока не приходится, ибо никто никаких определенных предложений не делал и никаких тезисов не выставлял. Я не считаю нужным высказывать свое личное

мнение, пока нет еще оформленного решения ни Коллегии НКИД, ни более компетентной Коллегии. В свое время, если нужно будет, поспорим и на эту тему.

Пока же у нас шла речь о том, следует-ли стремиться нам вообще к урегулированию наших отношений с Румынией, или же нам выгоднее оставаться при нынешнем положении, и является-ли нынешний момент удобным для разрешения вопроса. На первый вопрос дают ответ вышеприведенные мои рассуждения, а второй тоже решен в положительном смысле.

Тут мы тоже исходим из одного весьма верного Вашего положения о том, что мы не испытываем сейчас на себе давления победоносной неприятельской армии и что наша воля вполне свободна. До сих пор все территориальные споры с соседями решались под грохот оружия, при конъюнктуре, нам крайне неблагоприятной. Впервые мы можем вступить теперь в переговоры с соседом, в крайне выгодной для нас обстановке. Наше международное положение более благоприятно, чем когда-бы то ни было. Мы консолидировали свои отношения с целым рядом государств. Польша внутренне слаба, Италия возобновляет с нами дипломатические сношения, во всей европейской прессе носятся слухи (правда, весьма преувеличенные) о предстоящем признании нас Англией и Францией, Венгрия нашла себе сильного покровителя в лице Англии, Болгария — в лице Италии. Ясно, что в такой обстановке мы можем добиться больших уступок со стороны Румынии. Должны-ли мы ждать изменения и исчезновения мирной обстановки и вступить в переговоры, как некоторые полагают когда мы окажемся вовлеченными в военные действия и когда мы будем вновь «испытывать на себе давление неприятельской армии»?

Откладывать разрешение спора с Румынией можно было бы лишь в одном случае, если бы у нас была полная уверенность в сохранении мира, хотя бы на ближайшие два года, и в действительном признании нас Англией и Францией и в возможности уже в близком будущем поддержания последними наших претензий к Румынии. Этой уверенности у нас еще нет.

Я согласен с Вами, что мирное разрешение наших споров с Румынией ослабляет нашу претензию к союзникам, санкционировавшим аннексию Бессарабии. Но, во-первых, ослабляет, а не уничтожает, а во-вторых, лишь в том случае, если и мы признаем аннексию.

Я оставляю в стороне тактический вопрос о том, насколько нам вообще возможно и удобно было бы ответить отрицательно или хотя бы уклончиво на предложение Румынии. Предложили-ли бы Вы нам выставить какие-нибудь предварительные условия, как это раньше делала Румыния? Желательно получить Ваш ответ на этот вопрос. Вы пишите все время о значении для нас Бессарабии, а на единственный актуальный вопрос о том, следует-ли принять или отклонить предложение Румынии о конференции, никакого ответа не дает.

Чем мы рискуем, идя на конференцию? Допустим, что мы к соглашению не придем, что обе стороны займут непримиримую позицию, и мы «расплюемся». На чьей стороне будет выигрыш? Я отвечаю — всецело на нашей. Румыния уже пять лет оккупирует Бессарабию без всякого противодействия с нашей стороны. Мы неоднократно сами предлагали Румынии мир, но она отказывалась. Удивительно-ли, что в Европе создалось убеждение в том, что мы с аннексией Бессарабии полностью примирились? Опровергнуть это мнение в наших же интересах. Если мы громогласно на конференции откажемся от признания аннексии или потребуем плебисцита, выдвигая принцип самоопределения народностей — от этого выиграет не Румыния, а только мы. Положение Румынии будет в тысячу раз худшее. Все перечисленные Вами неудобства, проистекающие из неопределенности бессарабского вопроса, станут для Румынии во много раз ощутительнее, и мы не только «извлечем из румынской ноги занозу», а, наооборот, расковыряем рану в этой ноге.

Румыния отлично учитывает ухудшение своего положения в результате наших публичных выступлений по бессарабскому вопросу. Вот почему она в течение 4-х лет уклонялась от конференции, выставляя предварительным требованием исключение бессарабского вопроса из порядка дня. Если она теперь идет на конференцию без предварительного условия, то

либо вследствие своей крайней международной слабости, либо же потому, что она ложно информирована о нашей готовности пойти на желательные ей уступки, а может быть, по той и другой причине. Во всяком случае, мы ничем не рискуем, а много выиграем при любом исходе конференции.

Вы спрашиваете, почему можно было признавать референдум для Верхней Силезии и отвергать его для Бессарабии, почему Верх. Силезию можно было делить по частям, а Бессарабию нельзя. Я могу лишь повторить за Вами эти вопросы. Почему? Никто не утверждает этого, и мы это положение будем выдвигать

Вряд-ли кто-нибудь будет возражать против включения Буковины в число наших претензий. Но мы пока говорили лишь о кардинальном вопросе — Бессарабии, не останавливаясь подробно на всех предметах спора. Претензии на Бессарабию и на Буковину, конечно, неравноценны и не могут быть поддерживаемы с одинаковой силой аргументации.

Мы решили оттянуть конференцию до конца февраля в надежде, что тем временем подпишем договор с Италией, получим признание от Англии, и быть может, переговоры с Францией примут реальные очертания. Мы тогда сможем, конечно, говорить с Румынией в другом тоне, чем три года тому назад в Варшаве. Из этого отнюдь не следует, однако, что наше тогдашнее предложение было ошибкой, как нельзя считать ошибкой урегулирование наших отношений с Финляндией на том лишь основании, что сейчас мы сильнее и могли бы получить более выгодный договор. Проиграв с Румынией, мы, вероятно, выиграли бы тогда в другом месте. Наше положение тогда было такое, что приходилось манипулировать по образцу Тришкина кафтана.

С приветом ЛИТВИНОВ

РГАСПИ Ф. 359. Оп. 1 Д. 8. С. 22—27. Подлинник.

№ 5
ПИСЬМО Х. Г. РАКОВСКОГО М. М. ЛИТВИНОВУ «ТРЕТЬЯ ЗАПИСКА О БЕССАРАБИИ И БУКОВИНЕ»

г. Лондон *11 февраля 1924 года*

№ 18

Копии т. Чичерину, членам Политбюро и Политбюро ЦК КП (б)У.

(Над заголовком письма — помета от руки «Третья записка о Бессарабии и Буковине». На первой странице письма помета от руки «Бессарабия».)

Уважаемый Максим Максимович,

Я заранее извиняюсь, что в этой записке мне придется вернуться к воспоминаниям о нашей дипломатии за последние годы, касающимся развития вопроса о Бессарабии. Я это делаю для того, чтобы Вы могли иметь точное представление о моем отношении к этому вопросу.

Предварительно, я должен заметить, что, конечно, я не обвиняю Наркоминдел, что он когда-нибудь преднамеренно игнорировал национальный вопрос. В моих прошлых записках на это у меня нет и намека. Однако, несомненно, что объективные условия были таковы, что мы игнорировали национальный вопрос, и, когда даже объективные условия изменились, мы по инерции продолжали старую политику игнорирования национального вопроса. Я уже писал в прошлом письме, что Вы сами упрекали наш Московский Наркоминдел в том, что в Восточно-Галицийском вопросе он сделал промах, что он спохватился протестовать уже очень

поздно, и что, если бы своевременно были сделаны соответствующие протесты, то, может быть, и Италия и Англия, а, может быть, даже и Франция, воздержались бы от санкционирования аннексии Галиции (я наведу справки, прошло ли постановление Конференции послов через соответствующие Парламенты; если нет, — тогда постановления Конференции послов также недействительны, как недействительны и постановления ее по отношению к Бессарабии со стороны Французского правительства, т. к. французский парламент это еще не ратифицировал).

По отношению к Бессарабскому вопросу наша политика была более осторожна, но это лишь постольку, поскольку наш верховный политический орган принимал к сведению мои соображения, а также и соображения других украинских товарищей, высказывавшиеся не только словесно, но иногда и письменно.

По этому вопросу чаще всего мне приходилось иметь дело с Ильичом. Еще, как только я приехал, после Октябрьской революции из Стокгольма в Петроград, это был один из вопросов, который мы обсуждали с Ильичом, и я помню, как в Смольном, в его кабинете, накануне Учредительного собрания, — будучи прерываемы визитами Благонравова, являвшегося сообщить Ильичу о подготовлении эс-эров ввиду созыва Учредительного Собрания и получать от него директивы (я помню, как Ильич ему говорил — не колебаться в применении суровых мер), — мы говорили, что Бессарабия, если выскажет пожелание, конечно, может быть присоединена к будущей Румынской Советской Социалистической Республике, и, была бы в Румынии Советская Власть, и теперь, конечно, решение этого вопроса никаких затруднений не представляло бы.

Впоследствии мне пришлось в Одессе, во главе верховной автономной Коллегии по борьбе с контр-революцией на Украине и в Румынии заняться вплотную этим вопросом. В украинских дипломатических «красных книгах», в частности в книге о Румынии, Вы найдете целый ряд документов, относящихся к той эпохе и, между прочим, подписанный мною, с одной стороны, и генералом Авереско, тогдашним Министром Президентом Румынии и Министром Иностранных Дел, с другой стороны, соглашение от 5-го марта 1918 г., в силу которого румынские войска должны были очистить Бессарабию в течение 2-х месяцев. С того момента мы не переставали протестовать против румынской политики, написавшей несметное количество нот, большинство которых, по просьбе тов. Чичерина, были составляемы мною.

Бессарабский вопрос встал перед нами, как возможный объект нашей внешней политики после ликвидации польского и Врангелевского фронтов. Это было в начале 1921 года. Перед нами стоял вопрос, что делать с той 5-миллионной армией, добрая треть которой находилась на территории Украины и которую мы боялись распустить по домам, т. к. опасались, что демобилизация могла бы вызвать в стране большую пертурбацию. Тогда у некоторых украинских товарищей, в частности у тов. Фрунзе, возникла мысль использовать нашу армию, настроение которой после поражения Врангеля стало боевым, чтобы освободить Бессарабию. Эта мысль очень соблазняла Ильича. Он меня вызвал и специально советовался со мной, как быть. Я высказал ему откровенно свое опасение, что занятие Бессарабии втянет нас в войну с Румынией и что наши внутренние ресурсы не позволят нам поддерживать новую войну. Не знаю, эти ли соображения или другие еще, но Ильич больше не настаивал на этой идее.

Летом того же года отношение к Бессарабскому вопросу в нашей верховной инстанции коренным образом переменилось, отчасти, думаю, на основании доклада Льва Давыдовича, который, будучи на Украине во время маневров, узнал, что мысль о захвате Бессарабии одним ударом а ля Желиховский еще жива у некоторых наших товарищей. Политбюро решило вступить в переговоры с Румынией для ликвидации Бессарабского вопроса в духе известного предложения, сделанного впоследствии тов. Караханом в Варшаве румынскому деле-

гату Филалити. Известно Вам также, что от этой крупнейшей политической ошибки нас спасло глупое высокомерие Таке Ионеску, исполняющего волю Французского правительства, который приказывал категорически Филалити отказываться вести какие бы то ни было переговоры относительно Бессарабии.

Против этой политики мы самым решительным образом возражали с Украиной, и я, по поручению Украинского Политбюро, написал докладную записку в Политбюро ЦК РКП. Это было летом 1921 г. Впоследствии, когда я говорил с отдельными членами Политбюро, они уже соглашались, что, действительно, недопустимо сводить Бессарабский вопрос к вопросу купли и продажи и что такая политика может подорвать наш политический авторитет.

Здесь я кончаю мою фактическую справку. Она понадобится дальше. Теперь я хочу отметить одно место в Вашем письме, где вы указываете, что подписание согласия на аннексию Бессарабии со стороны Румынии не является решением вопроса навсегда, и указываете на то, что договоры вообще теперь считаются клочком бумаги. Я то же самое говорил и говорю и теперь, но повторяю, что являются они клочком бумаги для того, который силен. А пока этой силы у нас нет, договор, каким бы он клочком бумаги не был, нас больше обессиливает и связывает нас по рукам и ногам. Мы не можем подписать договор с Румынией, отдающий ей Бессарабию, и на другой же день, как ни в чем не бывало, начать протестовать против политики Румынии по отношению к Бессарабским крестьянам. Наша подпись связывает нас гораздо больше, чем может казаться. Если мы будем продолжать говорить о Бессарабии и после того, как отдадим ее сами Румынии, то нас спросят: кто же Вас заставлял давать Ваше согласие на присоединение ее к Румынии, как теперь, когда мы, после того, как подписали конвенцию о проливах, жалуемся на то, что политика лорда Керзона заключается в том, чтобы сметать между нами и Англией всякие барьеры и увеличивать шансы столкновения между двумя странами, нам говорят: кто же Вас заставлял подписывать конвенцию; отрезав голову, по волосам не плачут.

Внешняя политика Советской Власти будет, несомненно, предметом удивления и восхищения со стороны будущих поколений. Это, однако, не значит, что мы не совершаем иногда очень больших ошибок, которые трудно понять, так мало они объяснимы объективными причинами. Такой ошибкой я считал бы возобновление Карахановских Варшавских предложений.

Но Вы спрашиваете: можем ли мы отказаться вести переговоры с румынами, когда они делают нам предложение.

Я то же — за переговоры с румынами, но есть переговоры и переговоры. С какой целью желаете Вы вести переговоры с румынами? Смысл постановления нашего верховного органа Вами был ясно изложен в одном из Ваших предыдущих писем — начать переговоры с Румынией для того, чтобы ликвидировать спорные вопросы. А это значит ясно — уступить Бессарабию румынам. На этот счет не нужно делать себе никаких иллюзий. Ликвидировать в данный момент и при той нашей политике, которую мы ведем по отношению к Бессарабии, вопрос о ней иначе, как уступая ее румынам, нет возможности. Я знаю великолепно настроение обнаглевших румынских бояр, я знаю, какие дикие вопли возникали совсем недавно по поводу нескольких деревушек, которые были уступлены сербам взамен других, которые сербы уступили румынам в Банате. Я знаю шовинистическую психологию Балканских государств, которые предпочитают скорей взаимно разориться, чем уступить один другому клочок земли. Я знаю, с какой жадностью румыны захватывали направо и налево земли у своих соседей, как они мародерствовали по всем полям средней Европы, обирая карманы побежденных народов.

Если же нет таких намерений, тогда Вы идете на явную неудачу и срыв этих переговоров, что, вместо сближения с Румынией, повлечет, наоборот, еще большие охлаждения. Вы сами,

не знаю, по какому поводу, писали мне в Лондон, что лучше не начинать переговоров, чем начать их и закончить неудачей.

Что касается меня, я, если бы был поставлен в положение вести переговоры с Румынией, я не постеснялся бы поставить вопрос о Бессарабии совершенно ясно. Я не постеснялся бы изменить полностью нашу тактику по Бессарабскому вопросу. До сих пор, в глазах всего мира, и румын в том числе, мы производили впечатление людей, которые гонятся за румынами с просьбой: получите, пожалуйста, от нас Бессарабию, — а румыны отвечали: Ваше согласие нам не нужно, Бессарабию мы получили от Макензена, за Бессарабию высказались Франция и Англия, и этого нам достаточно. В самом деле, мы все время предлагали румынам начать переговоры с ними, а Карахан предложил им даже больше. И смысл всего этого был только один: пожалуйста, Бессарабию возьмите, но возьмите ее из наших рук.

Теперь, когда нечего нам бояться ни новой блокады, ни новой интервенции, когда Англия и Италия нас признали, а Франция намекает, что может из Малой Антанты сделать разменную монету в переговорах с нами, держаться за бухарестских бояр и предлагать им Бессарабию больше нет никакого смысла, и та тактика, которую я теперь считал бы самой целесообразной, заключалась бы в следующем:

1. На предложение Румынии о ведении переговоров я ответил бы, что готов, как только Ваши войска будут за Прутом. Пока румынские солдаты находятся на территории Бессарабии, разговаривать с Вами не будем. Вы заняли Бессарабию, подписавши документ, скрепленный подписью всех союзных послов в Яссах, что это мера исключительно временная и имеет целью обеспечить снабжение румынской и русской армий хлебом и фуражом. Вы подписали 5-го марта 1918 г. договор, в силу которого еще раз подтвердили, что Вы не имеете претензий на Бессарабию и что Вы должны в течение двух месяцев уйти оттуда.

2. Я взялся бы за организацию Бессарабской эмиграции на территории Украины и создал бы там, в Одессе, Киеве или Харькове центр, где могли бы сотни и тысячи бессарабцев учиться, чтобы создать там Бессарабскую ирреденту. В самой Бессарабии я стал бы поддерживать, наряду с коммунистическим движением, еще культурно-национальное движение, не только украинцев, болгар, русских, но еще и самих румынских крестьян, так называемых молдаван, которые питают непреодолимую ненависть к румынскому владычеству и с охотой будут приветствовать автономную или независимую Бессарабию.

3. Я постарался бы путем брошюр и книг широко популяризировать Бессарабский вопрос за-границей и не допустил бы таких скандальных вещей, какие имели место в прошлом году, — об этом я узнал, будучи в Харькове, — когда даже в такой газете, как «Манчестер Гардиен» Румынскому правительству удавалось помещать возмутительные статьи, в которых наша борьба за освобождение бессарабских крестьян представлялась в виде стремления к аннексии Бессарабской территории. Для таких книг и брошюр никто не располагает таким богатым материалом, как мы. Какие неисчерпаемые богатства представляет румынский архив. Если бы Вы лично взялись за это дело и стали наблюдать немного больше за пресловутым Балканским Отделом, давно была бы уже готова книга о Бессарабии.

4. Повел бы определенную политику по отношению к Болгарии и Венгрии. То, что там находятся фашистские правительства, меня не смущает. Известная активная и умелая политика с нашей стороны, наоборот, облегчит работу нашей собственной партии и соседних ей революционно-националистических элементов. Ориентация Болгарии на Италию уже потерпела полный крах. Муссолини, использовавши Цанкова против Белграда, теперь, когда заключил известное соглашение с Юго-Славией, отдает Болгарию на съедение ей и подчеркивает свое пренебрежительное отношение к Болгарским национальным интересам. Такой же крах потерпит и ориентация на Италию и Венгрию. Уже говорят о том, что между и Италией и Румынией будет заключено соглашение, аналогичное тому, которое было заключено между Юго-Славией и Италией.

Вот та политика, которую я проводил бы по отношению к Румынии. Бессарабия не стоит ни одного нашего патрона, ни одного нашего красноармейца, потому что я уверен, что Бессарабский вопрос можно разрешить путем политического маневра. В Бессарабском вопросе время является нашим лучшим союзником. Румынская наглость теперь начинает уступать место предупредительному отношению. Конечно, оставаясь верными своему традиционному лицемерию, румынские бояры, начиная заигрывать по отношению к нам, в то же самое время ведут самую истребительную политику по отношению к нашим коммунистам, расстреливая их, как диких зверей или моря их в тюрьмах. Произвол, господствующий в этом отношении в Румынии, единственный в своем роде. Со временем заискивание румын по отношению к нам, несомненно, усилится. Румыния станет искать всяких посредников и просить нас идти с ней на переговоры. Она станет предлагать нам, может быть, даже всякого рода компенсации.

Интересно, как соседи Румынии смотрят на ее Бессарабскую авантюру. О том, что Чехо-Словакия и Юго-Славия не хотят с ней связываться по этому вопросу, Вам уже известно. Я запросил хорошо осведомленного во французской политике г. Ж., думает ли он, что Польша в договоре обязалась защищать румынскую границу до Днестра, а не до Прута. На это мне Ж. ответил: редко бывает, чтобы оборонительные договоры относились к юридически неустановленной границе, и мое глубокое убеждение, что Польско-Румынский договор исключает Бессарабию.

Как заключение всего этого, передам слова недавно убитого фашистами в Болгарии бывшего министра Геннадиева, слова, которые мне передавал Стамбулийский, не то в Генуе, не то в Лозанне: «Достаточно будет показаться человеку с русской фуражкой на границе Бессарабии, чтобы румыны очутились за Прутом». Общее мнение таково, что в тот день, когда мы сможем говорить так громко, чтобы наш голос был услышан повсюду, как голос великого Революционного государства, нам нетрудно будет найти решение Бессарабского вопроса.

Я уже писал раньше, что Бессарабский вопрос это узел, где сплетается вся наша политика на Балканском полуострове и в Юго-Восточной Европе. Я, конечно, понимаю громадное значение, которое для нас имеет путь Варшава — Берлин, ибо союз с революционной пролетарской Германией даст нам возможность решить и все остальные задачи. Но я не знаю, не сыграет ли и здесь история с нами такую шутку, которую она сыграла уже в 1917 г. в России, когда революция победила в аграрной стране. Нужно заметить, что еще две Советские республики мы имели тоже в аграрных странах, в Венгрии и Болгарии, и что в аграрной стране, в Болгарии, мы имели недавно рабоче-крестьянское восстание. И я не знаю, следует ли нам закрывать один путь революции, тот путь революции, который ведет нас к Юго-Восточной Аграрной Европе. От того, будет ли иметь Румыния с нами мирный договор, будет ли Румыния нас признавать, или нет, нам не будет ни тепло, ни холодно.

Когда в 1920 г., во время наступления на Варшаву, на Пленуме ЦК обсуждался вопрос о том, принять ли предложение о переговорах в Лондоне или нет, я, хотя был одним из сторонников принятия этого предложения, тем не менее, на заданный мне вопрос о том, каково будет поведение Румынии в случае нашего дальнейшего наступления на Варшаву, ответил категорически: не тронется с места. Тов. Зиновьев в своей речи за отказ на переговоры в Лондоне тоже сослался на это мое заявление. Я и теперь заявляю, что Румынии нечего бояться. Разъедаемая внутренней классовой и национальной борьбой, переживающая на долгое и долгое время жесточайший финансовый кризис /после Польши Румыния является государством с самыми расстроенными финансами в Европе/, она не способна ни на какую наступательную политику против нас. С другой стороны, как я уже указал, ее союз с Польшей определяется не только Бессарабией, но и общим изолированным ее положением на востоке между четырьмя славянскими государствами — Россия, Болгария, Юго-Славия и Чехо-

Словакия. На своей совести румыны имеют не только Бессарабию, но еще и Добруджу, Новую и Старую и целый ряд других захваченных у своих соседей провинций.

Также нам мало нужно беспокоиться о румынском имуществе в России, т. к. если кто имеет у кого получить, то не румыны у нас, а мы у них. В 1918 г., я выяснял в существовавшей тогда Комиссии по поставкам в Румынии, что одних военных поставок из России было дано на 300 млн зол. руб. Наше имущество, которое осталось в Румынии, огромно. Одних локомотивов и тендеров свыше 500. В предвидении этого румыны постарались составить счет, который они должны предъявить нам и наскребли уже 15 млрд, стоимость «содержания русской армии в Румынии».

Хотя в Вашем последнем письме Вы более успокоительны насчет твердости нашего курса в Бессарабском вопросе, тем не менее я не могу без тревоги читать Ваши рассуждения на тему, что полное удовлетворение национальных аспираций Румынии в Восточном направлении сделает ее по отношению к нам если не другом, то, во всяком случае, нейтральным соседом.

Таким образом, Вы говорите о том, что якобы мы не намерены отдавать Бессарабию, и, одновременно, указываете на то, как целесообразно будет, если национальные аспирации Румынии будут удовлетворены полностью. Таким образом, предпосылка всей Вашей политики — именно полное утоление жажды румынских шовинистов. Однако эти румынские национальные аспирации заключаются в том, что в населении около 18 млн не меньше 6 млн не являются румынами, не говоря о другом миллионе в Бессарабии, который, хотя молдаванского происхождения, против румынского владычества. Самые смелые румынские националисты, которые теперь уже начинают говорить, что между Днестром и Бугом живут румыны и что Житомир тоже является румынским городом, и не мечтали в прошлом о Бессарабии. Дальше трех Бессарабских уездов, которые в 1856 г. были присоединены к Румынии, а в 1877 г. отошли снова к России, на другие бессарабские земли румынские национальные аспирации не распространялись. Это я мог бы Вам доказать с документами в руках.

Поэтому я считаю, что ни с какой точки зрения нельзя оправдать политику уступки по отношению к Румынии.

С коммунистическим приветом Х. РАКОВСКИЙ

РГАСПИ Ф. 359. Оп. 1. Д. 8. С. 28—37.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 130. Оп. 2. Д. 1 (Протоколы № 38—129 заседаний СНК за январь—май 1918 г.). Л. 21.

[2] ГАРФ. Ф. 130. Оп. 2. Д. 1. Л. 34; *Головко В. А., Станчев М. Г., Чернявский Г. И.* Между Москвой и Западом: Дипломатическая деятельность Х. Г. Раковского. Харьков : Око, 1994. С. 15—16; Советско-румынские отношения. 1917—1941. Сб. док.: в 2 т. / редкол.: А. А. Авдеев, М.-Р. Унгуряну. М. : Международные отношения, 2000. Т. 1: 1917—1934. Док. 17. С. 29.

[3] Красные книги. Вып. 2. Советские Россия — Украина и Румыния. Сб. дипл. документов и ист. материлов. Харьков : Всеукр. гос. изд-во, 1921. Док. 7. С. 21—24.

[4] Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 359. Оп. 1. Д. 8 (Материалы о государственной деятельности М. М. Литвинова, 1920—1942 гг. Взаимоотношения РСФСР — СССР с зарубежными странами, Р—Ю). Л. 29—30.

[5] Материалы по Бессарабскому вопросу со дня Румынской оккупации (1918—1921). Берлин: Изд. Одесскаго Комитета спасенія Бессарабіи, 1922. С. 174.

[6] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 214 (Протокол заседания Политбюро ЦК РКП(б) № 66-а «особая папка» от 10—13 окт. 1921 г.) Л. 1; Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии. Документы и

материалы / сост.: В. Н. Виноградов, М. Д. Ерещенко. М. : Индрик, 1996. Разд. V. Док. 14—15. С. 279—280.

[7] РГАСПИ. Ф. 359. Оп. 1. Д. 8. Л. 30.

[8] РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1302 (Деятельность В. М. Молотова в качестве наркома, министра иностранных дел. Материалы об отношениях с иностранными государствами. Румыния). Л. 2—3.

[9] РГАСПИ. Ф. 159. Оп. 2. Д. 16 (Материалы о государственной деятельности Г. В. Чичерина. НКИД РСФСР — СССР. Международные конференции. Генуэзская конференция). Л. 156.

[10] *Головко В. А., Станчев М. Г., Чернявский Г. И.* Между Москвой и Западом. С. 141, 198—199.

[11] Впервые этот вопрос обсуждался на заседании Политбюро 6 сентября 1923 г. — тогда было решено перенести вопрос «о нашей общей политике по Бессарабии» на ближайший пленум (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 379 — Протокол заседания Политбюро ЦК РКП(б) № 31 «особая папка» от 6 сент. 1923 г., л. 1; Д. 388 — Протокол заседания Политбюро ЦК РКП(б) № 38 «особая папка» от 18 окт. 1923 г., л. 1).

[12] Документы внешней политики СССР. Т. VI: 20 ноября 1922 г. — 31 декабря 1923 г. / редкол.: Г. К. Деев. М. : Политиздат, 1962. Док. 334. С. 531.

[13] РГАСПИ. Ф. 359. Оп. 1. Д. 8. Л. 150.

[14] РГАСПИ. Ф. 159. Оп. 2. Д. 35 (Материалы о государственной деятельности Г. В. Чичерина — НКИД РСФСР—СССР. Взаимоотношения РСФСР — СССР со странами Западной Европы — Испанией, Нидерландами, Норвегией, Румынией, Чехословакией). Л. 113.

[15] РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 2. Д. 53 (Личный фонд Л. Д. Троцкого. Материалы по международным вопросам. Взаимоотношения РСФСР — СССР с зарубежными странами. Румыния, США, Турция). Л. 9—10.

[16] Советско-румынские отношения. Сб. док. Т. 1. Док. 151. С. 227—232.

[17] Х. Г. Раковский оперирует данными переписи 1897 г., в соответствии с которой романоязычное население Бессарабии, записанное как молдаване, составляло 47 % населения губернии. (См.: Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / под ред. Н. А. Тройницкого. Санкт-Петербург : Изд. Центр. стат. ком. м-ва внутр. дел. Т. III: Бессарабская губерния. — 1905. С. 3.) Румыны на Парижской мирной конференции оперировали другими данными, называя румынами 72 % населения края. (См.: *Spector Sh.* Rumania at the Paris Peace Conference: A study of the diplomacy of Ioan I. C. Brătianu. NY, 1962. P. 101.)

[18] Присоединение населенной славянским (русинским населением) бывшего герцогства Австро-Венгерской империи к Румынии произошло 19 декабря 1918 г. (1 января 1919 г.) и было санкционировано державами Антанты в рамках Сен-Жерменского мирного договора от 10 сентября 1919 г. В результате в состав румынского королевства вошла еще одна территория, 42 % населения которой составляло украинское национальное меньшинство. Буковинский вопрос не обретал четкого проявления в советской внешней политике вплоть до 1940 г., в то время как украинские национальные организации в эмиграции объединяли критику румынизаторской политики Румынии как в Бессарабии, так и Буковине.

[19] Национальные вопросы в зарубежных государствах с начала 1920-х гг. оказались под пристальным вниманием альтернативного органа советской внешней политики — Коминтерна, в рамках которого широко обсуждались вопросы о помощи политическим движениям национальных меньшинств в рамках планов по осуществлению мировой революции. (См.: Национальный вопрос на Балканах через призму мировой революции: В документах центральных российских архивов начала — середины 1920-х гг: в 2 ч. М. : РОССПЭН, 2000—2003.)

[20] 15 марта 1923 г. Конференция послов Англии, Франции, Японии и Италии признала де-факто границы Польши с Литвой и СССР, закрепив в ее составе Восточную Галицию и Виленщину.

[21] Нельзя согласиться с Х. Г. Раковским, что Политбюро игнорировало национальные вопросы в отношениях с пограничными государствами. На советско-румынских переговорах в Варшаве одним из пунктов будущей конференции советская делегация поставила «Охрану интересов национальных меньшинств». (См.: Советско-румынские отношения. Т. 1. Док. 98. С. 131.) Еще в июле 1924 г. И. В. Сталин так комментировал коминтерновскую «Резолюцию по национальным вопросам средней Европы и Балкан»: «Лучше было бы исправить это [имелся в виду пункт о присоединении украинских и белорусских территорий к СССР. — *В. Р.*], что идет речь о воссоединении разорванных империалистическими державами на части Украины и Белоруссии... Все равно все эти разорванные части сомкнутся в свое время с СССР (больше им некуда ткнуться)» (стиль документа сохранен. — *В. Р.*). —

Национальный вопрос на Балканах через призму мировой революции. Ч. 2: Июнь 1924 — декабрь 1926 гг. М. : РОССПЭН, 2003. Док. 46. С. 102.

[22] Использовать национально-революционный фактор для достижения своих целей в государствах Запада, в частности Румынии, призывал еще Л. Д. Троцкий в статье «Мысли о партии» в марте 1923 г. — Национальный вопрос на перекрестке мнений. 20-е гг. Документы и материалы / сост. В. А. Горный. М. : Наука, 1992. С. 123, 129.

[23] Статистика, признаваемая самими румынами. См.: Minorităţile naţionale din România 1918—1925: documente / Arhivele Statului din România. Coordonată de: Ioan Scurtu, Liviu Boar. Bucureşti : Arhivele Statului din România, 1995. D. 13. P. 159.

[24] Трансильванский вопрос возник в декабре 1918 г. после аннексии Румынским королевством многонациональных земель Трансильвании, находившихся в составе Австро-Венгрии. Этот акт был закреплен Трианонским мирным договором с Венгрией от 4 июня 1920 г., вследствие чего в составе румынского королевства оказалось свыше 1 400 000 венгров, составивших первое по численности национальное меньшинство. Территория Южной Добруджи, отошедшая к Румынии по Бухарестскому мирному договору 1913 г., завершившему Вторую Балканскую войну, и закрепленная Нёйиским мирным договором с Болгарией от 27 ноября 1919 г., оставалась предметом спора в румыно-болгарских отношениях на протяжении всего межвоенного периода. Советская дипломатия с середины 1920-х гг. стала учитывать венгерские и болгарские претензии к Румынии в собственной политике по бессарабской проблеме, рассматривая Будапешт и Софию как потенциальных союзников в случае конфликта с Румынией. В свою очередь, румынское правительство исключало в переговорах с советской стороной упоминание вопросов о территориальных претензиях и национальных меньшинствах, понимая, что это может поставить под сомнение и надежность ее границ с Венгрией и Болгарией.

[25] По Трианонскому мирному договору историческая область Банат, входившая в состав Транслейтании (венгерской части Австро-Венгеии) была разделена между Румынией и Королевством Сербов, Хорватов и Словенцев.

[26] Уже начиная с 1922 г. советские дипломатические представители в Берлине докладывали в Москву о неофициальных контактах с частными лицами, зондировавшими возможность советско-венгерского сотрудничества против румын. — РГАСПИ. Ф. 159. Оп. 2. Д. 26 (Материалы о государственной деятельности Г. В. Чичерина. НКИД РСФСР — СССР. Взаимоотношения со странами Западной Европы: Австрия, Албания, Бельгия, Болгария, Венгрия, Греция, Дания, Ирландия). Л. 75.

[27] См.: РГАСПИ. Ф. 159. Оп. 2. Д. 16. Л. 226. На Лозаннской конференции (12 ноября 1922 г. — 24 июля 1923 г.) в рамках обсуждения вопроса о статусе Черноморских проливов принимала участие и советская делегация, Украинскую ССР в которой представлял Х. Г. Раковский.

[28] Имеется в виду военный переворот в Болгарии 9 июня 1923 г., в результате которого был свергнут режим Болгарского земледельческого народного союза и пал кабинет Александра Стамболийского.

[29] Более реальным основанием болгарско-югославского сближения можно назвать подписание в марте 1923 г. Нишского соглашения по пограничным вопросам, направленного на пресечение четнической деятельности, включая радикально настроенных «автономистов» из Внутренней Македонской Революционной организации. (См.: Болгария в XX веке: Очерки политической истории / отв. ред. Е. Л. Валева. М. : Наука, 2003. С. 153.)

[30] Практически в каждом отчете полпреда К. К. Юренева за ноябрь — декабрь 1923 г. фигурирует обсуждение перспектив разрешения бессарабского вопроса с ведущими чехословацкими и дипломатами. — РГАСПИ. Ф. 159. Оп. 2. Д. 8. Л. 150, 162, 165.

[31] Заключен 3 марта 1921 г. в Бухаресте. Обеспечивал военную поддержку одной стороны в случае войны второй с Советской Россией.

[32] В документах Государственного Департамента США за 1919—1920 гг. однозначно подчеркивается: «Соединенные Штаты всегда отказывались быть вовлеченным в какую-либо дискуссию относительно румынских притязаний на Бессарабию». (См.: Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии. С. 246.)

[33] 28 октября 1920 г. в Париже Румынией, Великобританией, Францией, Италией и Японией был подписан Бессарабский протокол, признававший законность присоединения Бессарабии к Румынии. Советская сторона не признала его законность, поскольку румынские власти отказались провести плебисцит в регионе. Протокол не вступил в силу, поскольку не был ратифицирован Японией. Использование бессарабской проблемы в качестве разменной монеты в урегулировании более важных

вопросов с державами-участницами подписания протокола поочередно применялось в отношениях СССР с Великобританией, Францией, Италией, а также Японией. В свою очередь, кризисы и охлаждения в двусторонних отношениях погашались недружественным актом ратификации Бессарабского протокола, как это сделала Франция 16 марта 1924 г. прямо накануне Венской конференции.

[34] Правительство Национал-либеральной партии, стоявшей у истоков формирования послевоенных границ Великой Румынии, рассматривалось в НКИД СССР как наименее склонное к компромиссам и уступкам в переговорах.

[35] Референдум 20 марта 1921 года о прохождении границы между Германией и Польшей в связи с решением Версальской мирной конференции о передаче Верхней Силезии от Германии Польше.

[36] Предыдущий советско-румынский дипломатический форум. Варшавская конференция (22 сентября — 25 октября 1921 г.) была прелиминарной. Румынская делегация не имела полномочий заключать какие-либо соглашения.

[37] Раковский намекает на вышеупомянутый проект взаимопогашения советских территориальных и румынских имущественных претензий, обсуждавшийся на Варшавской конференции 1921 г. К 1923 г. стороны уже детально подсчитали ущерб, нанесенный взаимными враждебными действиями в 1917—1918 гг., вынеся претензии на уровень Генуэзской конференции. (См.: Советско-румынские отношения. Т. 1. Док. 117. С. 172—174; Док. 119. С. 177—182.) В ноябрьских и декабрьских 1923 г. донесениях советского полпреда в Праге Юренева говорилось о большой заинтересованности румынской стороны судьбой румынского золотого фонда. Тем не менее, в инструкциях председателя Совета министров Румынии И. Брэтиану румынской делегации на конференции в Вене подчеркивалось «отделение вопроса о Бессарабии от вопроса о наших ценностях». (См.: Советско-румынские отношения. Т. 1. Док. 148. С. 216.)

[38] Trade facilities Act 1921 г.

[39] Х. Г. Раковский был арестован в Бухаресте 23 сентября 1916 г. как немецкий шпион. Освобожден солдатами лишь 1 мая 1917 г. в Яссах.

[40] Три южных уезда Бессарабской губернии — Измаильский, Кагульский и Болградский — находились в составе Объединенного княжества Валахии и Молдавии по результатам Парижского трактата 1856 г., завершившего Крымскую войну. В 1878 г. по Берлинскому трактату они были возвращены в состав Российской империи.

[41] По Бухарестскому мирному договору 7 мая 1918 г. между Румынией и Центральными державами Румыния прекращала участие в Первой мировой войне и возвращала Болгарии Южную Добруджу. За эту территориальную уступку Германия и ее союзники обещали Бухаресту компенсацию в виде Бессарабии. Договор не был ратифицирован румынским королем Фердинандом I и после поражения держав германского блока был отменен.

[42] См.: Красные книги. Советские Россия — Украина и Румыния. Сб. дипл. документов и ист. материлов. Харьков : Всеукр. гос. изд-во, Вып. 2. 1921.

[43] 8 мая 1923 г. британский представитель в Москве Р. Ходжсон предъявил М. М. Литвинову обширный меморандум с ультимативными требованиями, касающимися советской внешней политики в Средней Азии и других вопросов. Этот инцидент вызвал острый кризис в советско-английских отношениях.

[44] Осенью 1923 г. Исполнительный комитет Коммунистического Интернационала занимался организацией вооруженного восстания с целью захвата власти немецкими коммунистами в Веймарской республике. Однако еще до начала назначенной на 9 ноября даты немецкие власти сумели подавить коммунистическое сопротивление, что поставило под сомнение революционную большевистскую доктрину «экспорта революции» и оказало влияние на стратегию нормализации отношений СССР со странами Запада.

[45] В соответствии с Московским договором 12 июля 1920 г. между Советской Россией и Литвой, последней передавался в Вильнюс. Однако после начавшегося польского наступления и оккупации Виленского края поляками, создавшими здесь марионеточное государство Срединная Литва, предыдущие советско-литовские договоренности потеряли свою актуальность. Сохраняя претензии на Виленский край, литовское правительство рассматривало СССР как возможного союзника в территориальном споре с Польшей.

[46] Лишь 28 февраля на заседании Политбюро было поручено разработать окончательную директиву для комиссии по переговорам с Румынией в срок до 3 марта. — РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 422

(Протокол заседания Политбюро ЦК РКП(б) № 74 от 28 фев. 1924 г.). Л. 1. На следующем заседании Политбюро 3 марта в качестве основного принципа ведения переговоров в Вене было заявлено, что «Бессарабия ни в коем случае не будет уступлена Румынии», что, в сущности, означало победу «линии Раковского» в бессарабском векторе советской внешней политики. — РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 423 (Протокол заседания Политбюро ЦК РКП(б) № 75 от 3 марта 1924 г.). Л. 2.

[47] См. комментарий 24.

[48] 2 февраля 1924 г. произошло дипломатическое признание СССР Великобританией. Вслед за этим 8 февраля в НКИДе получили аналогичную ноту правительства Италии. Напряженные отношения с Францией в первой половине 1924 г. вылились в ратификацию последней Бессарабского протокола, что подстегнуло неуступчивость союзных Парижу румын на Венской конференции. Отношения с Францией были установлены лишь в октябре 1924 г.

[49] В таком прогностическом ключе вопрос об отношениях социалистических государств Румынии, Бессарабии, Украины в рамках той или иной федеративной структуры достаточно часто обсуждался в 1920-е гг. на заседаниях комиссий ИККИ Коминтерна. Следует отметить, что сложности этнополитической идентификации молдавского населения Бессарабии вносили больше разногласий в и без того слабые связи румынских и бессарабских коммунистов.

[50] См.: Красные книги. Вып. 2. Советские Россия — Украина и Румыния. Док. 10. С. 26; Док. 14. С. 32; Док. 16. С. 33; Док. 18. С. 35 и ряд других.

[51] Командующий войсками Украины и Крыма в 1921 г. М. В. Фрунзе традиционно изображался в иностранной печати как один из самых активных сторонников войны с Румынией за Бессарабию. — Российский Государственный Военный Архив. Ф. 32392. Оп. 1. Д. 90с (Доклад тов. Фрунзе на гарнизонном собрании в городе Москве 16 февраля 1925 г. «Международное положение СССР и наши военные задачи»). Л. 14.

[52] Большое беспокойство у советской стороны в 1921 г. вызывали непрекращающиеся инциденты на Днестре, которые могли привести к возникновению нового очага гражданской войны. На митинге в Харькове 6 сентября 1921 г. Троцкий призывал «замкнуть юго-западную границу на три замка и обеспечить себя от варварского вторжения европейской буржуазии». — РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 2. Д. 53. Л. 4. Желание получить передышку в войнах, видимо, было главным доводом в пользу урегулирования отношений с Румынией столь дорогой ценой, как это было предложено делегацией Карахана в Варшаве.

[53] СССР подписал невыгодную с точки зрения безопасности своего черноморского побережья Конвенцию о черноморских проливах 14 августа 1923 г. в Риме, задним числом после международного принятия Конвенции на Лозаннской конференции.

[54] Имеется в виду Бессарабский протокол 28 октября 1920 г.

[55] В 1924—1926 гг. предложение Х. Г. Раковского получило широкую реализацию. Было организовано Всесоюзное общество бессарабцев, которое установило связи с бессарабскими эмигрантскими организациями по всему миру, другие организации. Результатом деятельности Общества стала публикация многочисленных брошюр, воспоминаний, с 1926 г. в Москве стал издаваться агитационно-аналитический двухмесячник «Красная Бессарабия», аккумулировавший все значимые тренды, касающиеся бессарабской проблемы в Румынии, СССР и во всем мире. В Москве, Харькове и других городах прошли массовые митинги и лекции с участием ведущих партийных функционеров, посвященные советской позиции в бессарабском вопросе.

[56] См. комментарий 49. До 1924 г. революционная работа в Бессарабии в основном была сосредоточена на пропаганде ущемления интересов русского, украинского и болгарского национальных меньшинств, которые составляли основную массу участников антирумынских восстаний в 1919, 1924 гг.

[57] В 1925 г. Х. Г. Раковский издал на русском и английском языках книгу «Румыния и Бессарабия. К семилетию аннексии Бессарабии». Годом раньше свет увидела объемная монография В. О. Дембо «Бессарабский вопрос: Бессарабия, Румыния, Дунай. Как захвачена Бессарабия, удержится ли Румыния в Бессарабии?».

[58] Итальяно-румынский Договор о дружбе был подписан только 17 сентября 1926 г.

[59] Вскоре после срыва Венской конференции, 30 апреля 1924 г. полпред СССР в Германии Н. Н. Крестинский докладывал М. М. Литвинову, что румынский посланник Нано искал контакта с ним через посредников. Однако советский дипломат высказал твердую уверенность, что положение, которое сложилось после заявления бессарабских претензий на переговорах, гораздо более выгодно, чем

сами переговоры. — РГАСПИ. Ф. 359. Оп. 1. Д. 7 (Материалы о государственной деятельности М. М. Литвинова, 1920—1942 гг. Взаимоотношения РСФСР — СССР с зарубежными странами. Германия). Л. 178.

[60] См. документ 1 настоящей публикации.

[61] Сентябрьское восстание 1923 г., организованное Болгарской Коммунистической партией, было жестко подавлено правительством А. Цанкова.

[62] Имеется в виду предложение министра иностранных дел Румынии Т. Ионеску от 9 августа 1920 г. о встрече советской и румынской делегаций на конференции в Лондоне, которая в итоге не состоялась. (См.: Документы внешней политики СССР. Т. III: 1 июля 1920 г. — 18 марта 1921 г. / редкол.: Г. А. Белов. М. : Политиздат, 1959. С. 82—83.)

[63] Вопрос о взаимных расчетах так и не был никогда рассмотрен на дипломатическом уровне. В настоящий момент документы российских архивов, касающиеся судьбы румынских ценностей, недоступны для исследователя. Наиболее релевантное исследование относящихся к истории межвоенной Румынии фондов произвел в 1996 г. румынский историк Георг Бузату. (См.: *Cheorge Buzatu*. Românii în arhivele Kremlinului. Bucureşti : Univers encyclopedia, 1996.)

РЕЗЮМЕ

Представленные в публикации документы освещают один из ключевых этапов формирования советской позиции по бессарабской проблеме в советско-румынских отношениях (1918—1940 гг.) — дискуссию между советским полпредом в Великобритании Х. Г. Раковским и заместителем наркома иностранных дел М. М. Литвиновым по вопросу отношений с Румынией накануне Венской конференции (март — апрель 1924 г.). Данная переписка ранее не публиковалась, оригиналы документов хранятся в Российском Государственном архиве социально-политической истории. Несводимые к формальному обмену мнениями, документы отражают сложный процесс эволюции советской внешней политики от революционной тактики к стратегии защиты интересов территориальной ценности и военной безопасности, раскрывают характер советско-румынских отношений с момента возникновения бессарабской проблемы, объясняют причины краха советско-румынского диалога на Венской конференции, где была в полной мере озвучена советская парадигма бессарабской проблемы, которая стала доминирующей в советской и постсоветской российской историографии. В переписке двух дипломатов также показана роль Х. Г. Раковского, имевшего глубокие дипломатические и политические противоречия с М. М. Литвиновым и сталинским руководством в противостоянии румынским притязаниям на Бессарабию.

SUMMARY

The publication contains the unique diplomatic documents from personal Maxim Litvinov's Fund of Russian State Archive of social-and-politic history (RGASPI) concerning the discussion on Bessarabian problem between the Soviet government's representative in Britain Christian Rakovsky and the first deputy people's commissar of foreign affairs Maxim Litvinov. Dated between December 1923 and February 1924 «Three Notes on Bessarabia» by Rakovsky and one reply on them by Litvinov allows to reveal the essence of new soviet paradigm in Soviet-Romanian dispute on Bessarabia that was proclaimed on the Vienna Soviet-Romanian conference in March — April 1924 and became the main trend in soviet view's on Bessarabia in both politics and historiography. The correspondence became the point of collision between the idea of compromises in soviet-romanian disputes and total non-recognition of Romanian rights on Bessarabia as a method to have a constant threat to Romanian borders. The published letters also allow to investigate how the latent political conflict between two of leading soviet diplomats influenced on the perception of Bessarabian problem in the Politburo.

Материал поступил в редакцию 3 апреля 2011 г.